

Старший господин Цзя Шэ рассчитывал, что если Линь Лан примет драгоценный подарок, то и просить его о помощи будет куда проще. Но юноша, вопреки ожиданиям, на богатство даже не взглянул, и теперь старик совершенно не знал, как подступиться к разговору. Вся надежда оставалась на Цзя Ляня.

Цзя Шэ решил, будто Линь Лан совершенно равнодушен к богатству. Сам же юноша в этот момент едва сдерживал вздох сожаления.

«Да если бы не страх, что вы впутаете меня в какую-нибудь нерешаемую глупость, я бы давно забрал эту безделушку! — сокрушался он мысленно. — Ох, как же сердце-то болит!»

Цзя Лянь тоже растерялся. В их кругу дела велись иначе: сначала человек принимал подношение, и лишь потом звучала просьба. Но как заговорить о деле, когда от подарка отказались наотрез?

Видя, что отец и сын окончательно замялись, Линь Лан поднялся из-за стола.

— Дядюшка, если у вас больше нет ко мне вопросов, ваш племянник пойдет. Не смею больше тревожить ваш покой.

Цзя Шэ порывался удержать его, но благовидного предлога не находилось. Да и останься племянник в комнате, просить о помощи все равно было бы неловко. Понимая, что разговор зашел в тупик, он лишь тяжело вздохнул и отпустил юношу.

— На дворе уже совсем стемнело. Пожалуй, я велю слугам проводить тебя.

Линь Лан отказываться не стал.

— Премного благодарен, дядюшка.

Откланявшись, он вышел из покоев Цзя Шэ и неспешно направился к себе.

Едва Линь Лан переступил порог своих покоев, к нему торопливо подбежала Хэцзя.

— Молодой господин, наконец-то вы вернулись!

Заметив ее взволнованный вид, Линь Лан сразу понял, что дома что-то стряслось. Он обернулся к провожавшей его служанке из двора Цзя Шэ:

— Благодарю за службу, сестрица. Хэцзя, одари ее.

Служанка кивнула и по привычке вручила провожатой один лан серебра. Та, рассыпавшись в благодарностях, поспешила уйти.

Линь Лан зашел внутрь.

— Что стряслось? — негромко спросил он.

— Барышня Дайюй... Как вернулась с ужина, так сразу и расплакалась у себя в комнате, — тихо доложила Хэцзя. — Только недавно успокоилась. Мы пытались расспросить ее, но она молчит, да и служанки ее ума не приложат, в чем дело.

Линь Лан нахмурился.

— Она уже легла?

— Еще нет, молодой господин.

Не теряя ни минуты, Линь Лан направился в покои сестры.

— Братец?.. — испуганно вскинула голову Дайюй, торопливо пытаясь спрятать заплаканное лицо и покрасневшие глаза.

Линь Лан оставался внешне спокоен, не выдавая своего гнева.

— Не нужно прятаться, я уже все знаю, — ровным голосом произнес он. — Ступайте все вон.

Служанки покорно склонились и гурьбой потянулись к выходу. За несколько дней Цзыцзюань успела уяснить здешние негласные правила. В отсутствие Линь Лана его собственные служанки держали себя строго и чинно, не позволяя себе лишнего. И хотя сейчас она была приставлена к молодой барышне, девушка понимала: если Линь Лан сочтет ее присутствие нежелательным, Дайюй без колебаний отошлет ее обратно к Матриарху. Поэтому Цзыцзюань больше не пыталась перечить или оставаться в комнате, а молча вышла вместе со всеми.

Линь Лан подошел к столу и не спеша налил две чашки чая — себе и сестре.

— Кто тебя обидел, сестрица?

Дайюй робко приблизилась к столу.

— Никто не смеет меня обижать, братец. Просто... на душе сделалось тяжело, вот я и не сдержала слез.

— О чем же таком тяжелом ты задумалась? — Линь Лан внимательно посмотрел на нее. — Виной тому порядки дома Цзя или Баоюй?

— Последние дни я почти не виделась с Баоюем и держалась с ним довольно холодно, — тихо призналась Дайюй. — Старая госпожа решила, что мы поссорились, и приходила увещевать меня. В тот день ты говорил, что отец поначалу думал о союзе между нашими семьями, но после передумал. Но вот у Матриарха на этот счет совсем другие мысли...

Линь Лан сразу все понял. Как бы нежно старая госпожа Цзя-Ши ни любила его и Дайюй, интересы Баоюя и процветание собственного дома для нее всегда останутся на первом месте. Сейчас их отец занимал высокий пост инспектора соляного ведомства, что свидетельствовало об исключительном доверии императора к роду Линь. А вот семейство Цзя давно катилось по наклонной. Родство с Линь обещало им огромную выгоду. К тому же сейчас они с сестрой жили прямо у них под боком — глупо упускать такую возможность. Разумеется, Матриарх сделает все, чтобы привязать их к себе.

— Все они — чужие люди, — твердо произнес Линь Лан. — Тебе нужно помнить лишь одно.

Дайюй удивленно подняла на него глаза.

— Ты — законная дочь чиновника третьего ранга, — продолжил брат, чеканя каждое слово. — Единственная барышня великого рода Линь, единственная дочь нашего отца и моя единственная сестра!

За три года жизни в этом доме Дайюй успела наслушаться пересудов слуг. Да и то, как ее приняли в первый день, заставило ее поверить, будто дом Линь во всем уступает роскошному дому Цзя. Но уверенный тон Линь Лана заставил ее взглянуть на вещи иначе. Дайюй не была глупой девочкой и, поразмыслив, быстро во всем разобралась. Если судить по знатности рода, Линь владели унаследованным титулом на протяжении пяти поколений, ничуть не уступая Цзя. Если же говорить о чинах, то во всем доме Цзя лишь второй дядя по матери Цзя Чжэн занимал скромную должность помощника министра пятого ранга в Министерстве работ. А их отцу едва исполнилось сорок, и он уже состоял в третьем ранге на важнейшем посту инспектора соляного ведомства. К тому же этот чин он заслужил собственным умом на императорских экзаменах, а не получил в наследство от предков.

Выходило, что даже если хваленая сестрица Бао ни в чем не уступала ей красотой и манерами, по знатности происхождения между ними лежала непреодолимая пропасть. Теперь становилось ясно, почему подарки, которые привез брат, столь сильно различались по ценности.

Заметив, что сестра заметно повеселела, Линь Лан не стал расспрашивать о подробностях сегодняшней ссоры. Прошлое осталось в прошлом, значение имело лишь то, что ждет их впереди.

— Ты еще совсем юна, — мягко начал он, — но ответь мне честно: мил ли твоему сердцу

Баоюй?

Дайюй мгновенно вспыхнула до кончиков ушей.

— Я вижу в нем лишь старшего двоюродного брата по матери, не более того, — прошептала она.

Линь Лан пристально взгляделся в ее лицо и, не найдя признаков лжи, удовлетворенно кивнул.

— В таком случае, раз уж тебе не по душе его общество, общайся побольше с сестрами, а его обходи стороной.

Дайюй послушно кивнула. Линь Лан окинул взглядом ее простое, почти блеклое платье и заметил, что из украшений на ней была лишь та самая нефритовая шпилька, которую он подарил в день приезда.

— Траур по матери окончен, к чему эти унылые одежды? — укоризненно заметил он. — Ты ведь совсем молода, наряжайся ярче! Почему не носишь те шпильки, что я привез?

Дайюй тихо рассмеялась.

— Братец ничего не понимает в женских нарядах. Шпильки, конечно, прекрасны, но к ним ведь нужны и подходящие платья.

— Моя оплошность, — с улыбкой признал Линь Лан. — Завтра же велю портным сшить для тебя новые наряды.

— Ну, тогда я не стану отказываться! — весело отозвалась Дайюй.

— Да и с чего бы тебе отказываться? Все равно платить отцу! — рассмеялся Линь Лан. — Ладно, уже поздно, отдыхай. И помни: если на душе снова станет скверно, не вздумай плакать в одиночестве. Сразу иди к брату.

Дайюй кивнула и проводила его до дверей.

Вернувшись в свои покои, Линь Лан не спешил ложиться в постель. Вместо этого он позвал к себе Хэжу.

— Хэжу, я просил тебя разыскать занимательные повести и предания. Нашелся ли среди них сборник, достойный моего внимания?

— Нашелся один, господин, под названием «Дела абсурдные», — почтительно отозвалась служанка. — Весьма поучительная книга.

— Вот как? Расскажи-ка в двух словах.

— Речь там идет об одном знатном и богатом семействе, — начала Хэжу. — Матриарх того дома души не чаяла в младшем сыне, держала его семью при себе, а старшего наследника выставила жить в заброшенный флигель. Тот, надо сказать, тоже умом не отличался — пустился во все тяжкие, пил да якшался с девками, превратившись на старости лет в никчемного гуляку. У этого старшего сына родился законный наследник, который почему-то прилепился душой к семейству второго дяди, да еще и женился на его племяннице. Так они и жили одной семьей, позабыв о родном отце. А что до младшего сына... Получив в свои руки все бразды правления и ключи от сокровищницы, он оказался неспособен ни преумножить богатство, ни удержать его. Целыми днями лишь строил из себя ценителя изящной словесности, а толку никакого. С виду дом их казался полным сокровищ, но на деле они давно тратили то, чего еще не заработали. Дошло до того, что невестка старшего дома втайне занялась ростовщицеством под грабительские проценты. Об этом знал весь служебный люд в поместье, и лишь старшие господа пребывали в счастливом неведении. Мало того, семейство это погрязло в судах, водило дружбу с нечистыми на руку торговцами, вмешивалось в тяжбы за взятки и вело себя столь нагло, будто им сам черт не брат.

Закончив рассказ, Хэжу замолчала, ожидая реакции господина.

Линь Лан понимающе усмехнулся.

— Любопытная история. Пожалуй, в ней есть над чем поразмыслить... Кстати, где сейчас пожилая Кормилица Ван, что приехала из Янчжоу вместе с молодой барышней?

— Под благовидным предлогом мы заперли ее в дровяном сарае, — отозвалась Хэжу. — Рот ей, разумеется, заткнули кляпом, дабы не тревожила криками барышню.

— Удалось вывести всю правду?

В глазах Хэжу вспыхнул гнев.

— Все подтвердилось, господин. Эта старая карга оказалась неблагодарной тварью. Вместо того чтобы исправно посылать вести в Янчжоу, она в своих письмах лишь расточала хвалу здешним господам. О барышне Дайюй она толком не заботилась, оттого бедняжка и привязалась к этой Цзыцзюань, не имея рядом ни единой родной души.

Линь Лан презрительно процедил сквозь зубы:

— Я еще в Янчжоу говорил отцу, что эту старуху нельзя отпускать с сестрой. А он все заладил:

«Она выросла в поместье Цзя, знает все тамошние повадки». Вот она и показала свои «повадки» — первым же делом побежала прислуживать старым хозяевам!

— Все улики у нас на руках, молодой господин, — почтительно склонила голову Хэжу. — Каково будет ваше решение?

Линь Лан жестко усмехнулся:

— Продать всю ее семейку без остатка. Мужчин — на каторжные рудники, баб — в самые грязные притоны, а сопливую детвору, что еще ничего не понимает, сбыть перекупщикам для дворцовой службы. Чтобы и духу их не осталось.

Хэжу поклонилась и вышла. Вскоре слуги принесли горячую воду для умывания. Смыв дорожную пыль и дневные заботы, Линь Лан улегся в постель, но сон не шел. Мысли тяжелым грузом теснились в голове, мешая забыться.

«Во-первых, стоит ли мне соглашаться на приглашение во дворец? — размышлял он, глядя в темноту балдахина. — Тут, конечно, мало что зависит от моего желания. Если дело касается той самой тайны, мне придется переступить порог императорских покоев, хочет кто-то того или нет. Но если причина в другом... Что ж, можно попробовать прощупать почву. Судя по сегодняшнему разговору с учителем, дело вряд ли настолько серьезно. Будем действовать по обстоятельствам».

«Во-вторых, семейство Цзя. Ведут себя нагло, роскошествуют без меры и удержки, а реальной опоры при дворе лишились давно. С такой глупостью они и глазом моргнуть не успеют, как окажутся на плахе. Старший дядя по матери Цзя Шэ спит и видит, как бы прибрать к рукам наследство и власть в доме Цзя, оттого и вьется вокруг меня змеей. Только если он настолько слеп и глуп, марать о него руки не стоит. Зачем мне помогать ему отвоевывать то, что завтра все равно пойдет с молотка?»

«И наконец, Дайюй. В письмах домой она писала лишь о хорошем, а старая карга Ван тщательно скрывала правду. Сколько же обид и пренебрежения пришлось перенести моей сестренке в этом змеином гнезде! Отец когда-то лишь вскользь упоминал о возможном браке, но никаких письменных обещаний старой госпоже не давал. Значит, обязательств на нас нет никаких. Мне нужно лишь сделать так, чтобы Дайюй сама охладела к этому семейству и держалась от них как можно дальше».

Приняв это решение, Линь Лан наконец закрыл глаза и погрузился в глубокий сон без сновидений.

На следующее утро, проснувшись и обнаружив, что Учитель Лин не оставил ему никаких заданий на сегодня, Линь Лан наскоро позавтракал, полистал книгу и решил отправиться в город. Слугам он велел передать, что к ужину его ждать не стоит.

Обычно в таких поездках его сопровождал молчаливый Линь Янь, но сегодня Линь Лан почему-то решил взять с собой Линь Циня. Имя у того было девичьим, хотя сам он был крепким и ладным парнем. В детстве он рос болезненным ребенком, и знахари посоветовали родителям называть его девичьим именем, чтобы уберечь от злых духов и сохранить жизненную силу. Когда парень вырос, его приставили к молодому господину Линь Лану. Из-за его излишне живого и порывистого нрава Линь Лан старался без крайней надобности не брать его с собой на важные встречи.

Линь Цинь, принаравливая ход своего коня к коню хозяина, весело спросил:

— Молодой господин, с чего вдруг такая милость сегодня? Неужто мы направляемся в веселый квартал, девиц ласкать?

Линь Лан обернулся и одарил слугу тяжелым взглядом.

— Держи язык за зубами на людях! Попридержи свой срамной рот, веди себя приличнее.

Линь Цинь ничуть не смутился и лишь широко ухмыльнулся:

— Как прикажете, господин. А вы дорогу-то помните?

— На что тогда ты мне сдался? Веди давай! — хмыкнул Линь Лан.

Слуга с готовностью пустил коня рысью и вырвался вперед, увлекая хозяина к самому роскошному и дорогому веселому заведению столицы.

Еще в Гусу Линь Лан частенько наведывался в подобные заведения в компании отпрысков богатых купцов и знатных вельмож, так что удивить его было трудно. Войдя в терем, он без лишних разговоров арендовал просторную отдельную комнату и велел позвать лучшую куртизанку, чтобы та услаждала его слух игрой на лютне и пением.

Линь Цинь, понятное дело, в покоях хозяина задерживаться не стал и отправился искать развлечений на свой вкус. Линь Лан не препятствовал ему — парень в любой момент мог явиться по первому зову, благо ошивался где-то неподалеку.

Время близилось к полудню. Благодаря бочонкам с колотым льдом, расставленным по углам, в комнате стояла приятная прохлада. Избавившись от полуденного зноя, Линь Лан заказал щедрый обед, кувшин доброго вина и позвал Линь Циня разделить с ним трапезу.

Внезапно из-за тонкой перегородки соседней комнаты донесся громкий, требовательный крик:

— Эй! Куда делась ваша Циньгэ? А ну живо ведите ее сюда, пусть поразвлечет нас!

Следом послышался заискивающий и виноватый голос хозяйки заведения:

— Ох, господин, смилуйтесь! Кабы знать заранее, что вы почтите нас своим визитом... Но Циньгэ-эр сейчас занята с другим гостем. Позвольте я пришлю к вам прекрасную Мудань?

— Ты за кого нас держишь, старая карга? Решила поиздеваться? — взревел другой пьяный голос. — Плевать нам, с кем она там сидит! Живо тащи ее сюда! Мы платим золотом, посмотрим, кто посмеет ее удержать!

Этой самой куртизанкой, услаждавшей слух Линь Лана, и была Циньгэ. Юный, статный и невероятно щедрый гость сразу пришелся ей по сердцу, и менять его общество на пьяную компанию из соседней комнаты ей совсем не хотелось. Однако, услышав голоса за стеной, девушка испуганно сжалась — судя по всему, буянили влиятельные постоянные гости. На ее лице отразилось явное замешательство.

Линь Лан лишь усмехнулся, сохраняя абсолютное спокойствие.

— Сегодня я выкупил твое время до самого вечера, — ровным, но не терпящим возражений тоном произнес он. — Сиди здесь и ни о чем не беспокойся. Посмотрим, у кого хватит смелости забрать тебя силой.

Успокоенная его уверенностью, Циньгэ тихонько вздохнула и продолжила играть. Однако пьяная компания за стеной не унималась. Хозяйка борделя, судя по всему, лишь делала вид, что пытается их удержать, а сама послушно вела буянов к дверям Линь Лана. Юноша прекрасно понимал эту нехитрую уловку: старая сводня просто побоялась перечить постоянным клиентам, решив, что безвестный молодой гость окажется сговорчивее. Только вот она жестоко просчиталась.

Раздался оглушительный треск — пинком ноги дверь в покои Линь Лана распахнулась настежь. На пороге показался наглый щеголь в богатых одеждах.

— Ха! Глядите-ка, какой-то сопливый малец посмел забрать нашу девку! — разразился он издевательским хохотом. — Эй, недоросль, ты хоть знаешь, что с женщинами делать-то нужно? Небось, штаны намочишь от страха!

Линь Лан даже бровью не повел. Он продолжал неторопливо цедить вино, делая вид, что в комнате никого, кроме него и испуганной Циньгэ, нет. Его ледяное равнодушие привело незваных гостей в ярость.

— Ах ты щенок! Да я тебя сейчас!.. — взревел один из приятелей щеголя и замахнулся кулаком, бросаясь к столу.

Договорить он не успел. Из тени молнией выросла фигура Линь Циня. Одно короткое, ленивое

движение ладони — и нападавший, потеряв равновесие, кубарем полетел назад. Он бы точно растянулся на грязном полу, если бы шедшие следом приятели не успели подхватить его под руки.

<http://bllate.org/book/18219/1752695>